
pocket**book**

rocket**book**

Гилберт Кийт
ЧЕСТЕРТОН

Убийство на скорую руку

Москва
2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ч-51

Художественное оформление серии *С. Костецкого*
Перевод с английского *К. Савельева*

Честертон, Гилберт Кийт.

Ч-51 Убийство на скорую руку / Гилберт Кийт
Честертон ; [перевод с английского К. Савелье-
ва]. — Москва : Эксмо, 2024. — 224 с.

ISBN 978-5-04-107503-3

Гилберт Кийт Честертон – автор цикла детективных новелл о пронциательном священнике Брауне. Опираясь на житейский опыт, мудрость и знание человеческой души, он раскрывает сложнейшие преступления. Если отец Браун берется за расследование, значит, правосудие восторжествует над злом.

В сборник вошли рассказы «Странные шаги», «Невидимка», «Лиловый парик» и другие занимательные истории с увлекательным сюжетом, неподражаемым английским юмором и элементами притчи.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Савельев К., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-107503-3

СТРАННЫЕ ШАГИ

Если вы встретите члена привилегированного клуба «Двенадцать верных рыбаков», приехавшего в отель «Верной» на ежегодный клубный обед, то, когда он снимет пальто, вы обратите внимание, что на нем зеленый, а не черный фрак. Если (при условии, что у вас хватит дерзости обратиться к такому возвышенному существу) вы спросите его, к чему такая причуда, он, скорее всего, ответит, что не хочет быть принятым за официанта. Вы отойдете, подавленный этим откровением, но оставите за собой неразгаданную тайну и историю, достойную того, чтобы ее рассказать.

Если же — продолжая линию неправдоподобных предположений — вы встретитесь с кротким, усердным маленьким священником по имени Браун и спросите его, что он считает величайшей удачей в своей жизни, он может ответить, что самый удачный случай выпал в отеле «Верной», где ему удалось предотвратить преступление и, возможно, спасти человеческую душу, просто прислушавшись к шагам в коридоре. Наверное, он гордится своей невероятной и замечательной догадкой и не преминет упомянуть о ней. Но поскольку крайне маловероятно, что вы достигнете такого высокого положения в обществе,

чтобы найти клуб «Двенадцать верных рыболовов», или падете так низко, что окажетесь в обществе бродяг и уголовников, где сможете встретить отца Брауна, боюсь, вы никогда не услышите эту историю, если только я сам не расскажу ее вам.

Отель «Верной», где проходили ежегодные обеды «Двенадцати верных рыболовов», был учреждением, какие существуют только в олигархическом обществе, помешанном на изысканных манерах. Он представлял собой диковинный продукт под названием «эксклюзивное коммерческое мероприятие», который приносил доход, не привлекая посетителей, а фактически отпугивая их. В самой сердцевине плутократии торгаши умудрились стать еще более придирчивыми, чем их клиенты. Они специально чинили препоны, чтобы богатые и пресыщенные люди могли пускать в ход деньги и связи для преодоления этих препятствий. Если бы в Лондоне существовал модный отель, куда был бы закрыт доступ для людей ростом ниже шести футов, высшее общество покорно устраивало бы вечеринки для великанов, чтобы попасть туда. Если бы существовал дорогой ресторан, который по прихоти его владельца открывался бы только во вторник вечером, то по вечерам во вторник там было бы не протолкнуться. Отель «Верной» как бы случайно стоял на углу площади в фешенебельном квартале Белгравия. Он был небольшим и очень неудобным, но даже неудобства считались надежной стеной, ограждающей привилегированное сословие. В частности, одно неудобство имело особенно важное значение: в отеле могли одновременно обедать только двадцать четыре человека. Единственный большой обеденный стол стоял под открытым небом на веранде, смотревшей на один из красивейших садов

Лондона. Таким образом, даже этими двадцатью четырьмя местами за столом можно было пользоваться только в теплую погоду, но это затруднение лишь делало удовольствие более желанным. Владельцем отеля был еврей по фамилии Левер, который зарабатывал около миллиона фунтов на крайне сложной процедуре доступа в свои владения. Разумеется, он сочетал эти ограничения с самой тщательной заботой о роскоши и изысканности для немногих избранных. Кухня и вина здесь были не хуже, чем в любом из лучших ресторанов Европы, а поведение прислуги точно отражало строгие нормы, укорененные в сознании высшего света. Хозяин знал всех официантов как свои пять пальцев; по слухам, их было лишь пятнадцать человек. Гораздо проще было получить место в парламенте, чем стать официантом в этом отеле. Каждого из них натаскивали на исполнение своих обязанностей в полном молчании и с безупречной точностью, как камердинера в доме настоящего английского джентльмена. В самом деле, на каждого обедающего обычно приходился по меньшей мере один официант.

Члены клуба «Двенадцать верных рыболовов» могли устраивать ежегодный обед только в таком месте, обеспечивающем роскошное уединение. Их чрезвычайно расстроила бы даже мысль о том, что здесь могут обедать члены какого-то другого клуба. По случаю обеда у них было принято выставлять напоказ свои сокровища, как если бы они находились в частном доме, — особенно знаменитый набор вилок и ножей для рыбы, представлявший собой клубную реликвию. Серебряные столовые приборы были искусно выполнены в форме рыбок, и рукоять каждого из них украшала крупная жемчужина. Они

всегда выкладывались перед рыбной переменной блюдом, которая неизменно была самой торжественной в ходе великолепной трапезы. Клуб имел множество собственных ритуалов и церемоний, но не имел какой-либо цели и истории; именно это делало его столь аристократичным. Не нужно было занимать видное положение в обществе, чтобы стать одним из «двенадцати рыболовов». Если вы не принадлежали к определенному кругу, то никогда не слышали о них. Клуб существовал в течение двенадцати лет. Его президентом был мистер Одли, а вице-президентом — герцог Честерский.

Если мне до некоторой степени удалось передать атмосферу этого поразительного отеля, у читателей может возникнуть естественный вопрос: откуда мне удалось что-то узнать о нем и каким образом столь обычный человек, как мой друг, отец Браун, оказался в этой золотой клетке? Мой ответ будет очень простым и даже банальным. В мире есть один старинный бунтарь и демагог, который врывается даже в самые рафинированные салоны с ужасной вестью о том, что все люди братья. Везде, где этот уравнитель проносится на своем бледном коне, дело отца Брауна — следовать за ним. В тот день одного из официантов, итальянца по происхождению, вдруг разбил паралич, и хозяин отеля разрешил послать за ближайшим католическим священником, хотя и слегка удивился такому суеверию. Содержание беседы отца Брауна со слугой нас не касается по той простой причине, что священник не стал разглашать его. Но, очевидно, оно было связано с составлением письма или заявления, призванного загладить причиненное зло или сделать важное признание. С кроткой настойчивостью, которую он выказал бы и в Букингемском дворце, отец

Браун попросил выделить ему отдельную комнату и письменные принадлежности. Мистер Левер разрывался пополам. Он был незлобивым человеком, но по доброте душевной стремился избегать всяческих сцен и затруднений. В то же время присутствие необычного незнакомца в его отеле этим вечером было подобно грязному пятнышку на белоснежной скатерти. В отеле «Верной» не было прихожей или приемной; здесь нельзя было увидеть людей, ждущих в холле, или случайных клиентов. Пятнадцать официантов ожидали прибытия двенадцати гостей. Найти нового гостя в тот вечер было бы так же поразительно, как обнаружить нового родного брата за семейным завтраком или чаепитием. Более того, внешность священника была невзрачной, а одежда забрызгана грязью; даже если бы его увидели издалека, это грозило скандалом. В конце концов мистер Левер нашел решение, позволявшее скрыть позор, если не устранить его целиком. Когда вы входите в отель «Верной» (вам никогда не удастся это сделать), то проходите по короткому коридору, украшенному выцветшими, но ценными картинами, и оказываетесь в главном вестибюле, откуда несколько коридоров ведут в гостиные с правой стороны, а еще один коридор уходит налево, в сторону кухни и служебных помещений. Слева же можно видеть угол стеклянного помещения, примыкающего к вестибюлю, своеобразного дома внутри дома; вероятно, когда-то здесь находился старый бар гостиницы.

Теперь в этой стеклянной будке сидит представитель владельца (никто здесь не появляется лично, если это в его силах), а за ней, по пути к служебным помещениям, находится гардеробная для гостей, последняя граница джентльменских владений. Но

между будкой и гардеробной есть небольшая отдельная комната, которой хозяин иногда пользуется для важных и деликатных дел — например, дает герцогу займы тысячу фунтов или же отказывается ссудить ему шесть пенсов. То обстоятельство, что мистер Леввер разрешил на полчаса осквернить это священное место присутствием обычного священника, мараящего бумагу, свидетельствует о его безграничной терпимости и великодушии. Вполне вероятно, что история, которую записывал отец Браун, была гораздо лучше моей, но о ней никто никогда не узнает. Могу лишь сказать, что она была почти такой же длинной и что последние два-три абзаца были наименее увлекательными.

Когда священник приблизился к концу своего повествования, он немного расслабился и позволил своим мыслям свободно блуждать, а его острые физические чувства пробудились от спячки. Близилось время обеда; в его маленькой комнате не было освещения, и подступающий сумрак, вероятно, обострил слух. Когда отец Браун составлял последнюю и наименее важную часть документа, он обратил внимание, что пишет под звук ритмичного шума снаружи, как человек иногда думает под стук колес, когда едет в поезде. Он сразу же понял, что это было — всего лишь звук шагов, когда кто-то проходил мимо двери, вполне обычная вещь в гостинице. Тем не менее он уперся взглядом в потемневший потолок и прислушался к звуку. Спустя несколько секунд он встал и прислушался еще более внимательно, слегка склонив голову набок. Потом он снова сел и обхватил голову руками; на этот раз он не только слушал, но и думал.

В любой отдельный момент шаги снаружи показались бы самыми обыкновенными, но, взятые

в целом, они производили очень странное впечатление. В доме почти всегда стояла тишина, так как многочисленные посетители сразу же расходились по своим апартаментам, а хорошо вышколенные слуги оставались почти невидимыми, пока в них не было надобности. Трудно было представить место, менее располагающее к необычным событиям. Но шаги производили настолько странное впечатление, что их нельзя было назвать обычными или необычными. Отец Браун выстукивал их ритм пальцем на краешке стола, словно человек, пытающийся заучить мелодию на пианино.

Сначала послышался быстрый перестук мелких шагов, как будто человек легкой комплекции приближался к финишу соревнований по спортивной ходьбе. В какой-то момент шаги смолкли и сменились медленной, размашистой походкой, где один шаг по времени соответствовал едва ли не четырем предыдущим. Когда последние отголоски этих шагов затихли вдали, снова послышался топот легких торопливых ног, вскоре сменившийся тяжелым, размеренным шагом. Это определенно был один и тот же человек, поскольку его туфли характерно поскрипывали при ходьбе.

Ум отца Брауна был устроен так, что он не мог не задавать вопросов, но от размышлений над этой вроде бы тривиальной загадкой у него голова пошла кругом. Он видел, как люди разбегаются перед прыжком. Он видел, как разбегаются перед скольжением по льду. Но с какой стати человек должен разбежаться для того, чтобы перейти на шаг? Или, наоборот, зачем ему переходить на бег со степенной походки? Ни одно другое описание не подходило для трюка, который выделывали невидимые шаги. Человек либо шел

очень быстро до половины коридора, чтобы перейти на медленный шаг на другой половине, либо шел очень медленно с одного конца и почти срывался на бег на другом конце. Ни то ни другое не имело особого смысла. В голове отца Брауна становилось все темнее, как и в комнате, где он находился.

Но когда он овладел собой, сгустившаяся тьма сделала его мысли более яркими. Перед его мысленным взором пируэты фантастических ног, шагавших по коридору, стали приобретать неестественное или символическое положение. Может быть, это языческий священный танец? Или совершенно новый вид научного эксперимента? Отец Браун пытался глубже проникнуть в значение странных шагов. Возьмем, к примеру, медленную походку: это определено не шаги хозяина отеля. Люди его типа либо куда-то торопятся, либо сидят спокойно. Это не мог быть слуга или курьер, ждущий распоряжений. Те богачи, что победнее, иногда ходят вразвалку, когда немного пьяны, но, как правило, особенно в такой роскошной обстановке, они стоят или сидят в сдержанных позах. Нет, этот тяжелый, но пружинистый шаг, отдававший беззаботностью, не особенно шумный, но и не беспокоившийся из-за того, сколько шума он производит, мог принадлежать только одному животному на земле — джентльмену из Западной Европы, которому, вероятно, никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь.

Когда отец Браун окончательно пришел к этому выводу, неизвестный ускорил шаг и прошмыгнул мимо двери с быстротой юркнувшей крысы. Священник отметил, что хотя шаги ускорились, они стали почти бесшумными, словно человек бежал на цыпочках. Но такое поведение у него ассоциирова-

лось не с конспирацией, а с чем-то другим, чего он никак не мог припомнить. Его раздражали смутные обрывки воспоминаний, которые лишь заставляют ощущать свое бессилие. Он, безусловно, уже где-то слышал эту странную быструю походку. Внезапно он вскочил, осененный новой мыслью, и подошел к двери. Его комната не имела прямого выхода в коридор, но с одной стороны вела в стеклянную будку, а с другой примыкала к гардеробной. Он попробовал первую дверь, но она оказалась запертой. Тогда он посмотрел в окно — квадратный проем, заполненный багровыми облаками в сиянии зловещего заката, и на мгновение почувствовал зло, как собака чует крысу.

Рациональная часть его разума (неважно, более мудрая или нет) снова взяла верх. Отец Браун вспомнил, как хозяин сказал ему, что запрет дверь, а потом придет и выпустит его. Он попытался придумать двадцать разных причин, объясняющих диковинные шаги снаружи, и напомнил себе, что дневного света уже едва хватает для того, чтобы завершить собственную работу. Он перенес бумагу к окну, чтобы не упустить последние отблески вечернего света, и решительно погрузился в почти законченные записи. Он писал около двадцати минут, все ниже склоняясь над бумагой в сгущающихся сумерках, а потом внезапно выпрямился. Странные шаги зазвучали снова.

На этот раз они приобрели еще одну необычную особенность. Раньше неизвестный ходил — легко и с поразительной быстротой, но все же ходил. Теперь он перешел на бег. Быстрые, мягкие шаги приближались по коридору, словно скачки пантеры, преследующей добычу. Чувствовалось, что бежит сильный, подвижный человек, испытывающий сдержанное

возбуждение. Но когда шелестящий вихрь поравнялся со стеклянной будкой, он внезапно сменился медленными, размеренными шагами.

Отец Браун отбросил свои бумаги и, зная о том, что дверь в стеклянную контору заперта, сразу же направился в гардеробную на другой стороне. Гардеробщик временно отсутствовал — наверное, потому, что все гости обедали и его должность была обычной синекурой. Пробравшись через серый лес пальто, он обнаружил, что полутемное помещение отделено от ярко освещенного коридора откидной стойкой с распахивающейся дверцей, похожей на те, через которые мы обычно подаем зонтики и получаем жетоны. Над полукруглой аркой перед этим проходом горел свет, частично падавший на отца Брауна, который казался темным силуэтом на фоне тускнеющего заката в окне за его спиной. Но человек, стоявший в коридоре перед гардеробной, был освещен так же ярко, как на театральных подмостках.

Это был элегантный мужчина в простом фраке, высокий, но как будто занимавший совсем мало места; казалось, он мог проскользнуть как тень там, где многие люди меньшего роста были бы заметнее его. Его лицо, залитое светом, было смуглым и оживленным — лицо иностранца. Он держался свободно и уверенно; критик мог бы лишь заметить, что мешковатый черный фрак не вязался с его фигурой и манерами и странно топорщился в некоторых местах. Когда он увидел темный силуэт Брауна на фоне заката, то достал клочок бумаги с написанным номером и с дружелюбной снисходительностью обратился к священнику:

— Пожалуйста, подайте мое пальто и шляпу; мне нужно срочно уйти.

Отец Браун молча принял бумажку и послушно направился за пальто: это была не первая лакейская работа в его жизни. Он принес пальто и положил на стойку. Между тем странный джентльмен пошарил в жилетном кармане и со смехом произнес:

— У меня нет мелкого серебра, можете взять это.

Он бросил на стойку монету в полсоверена и подхватил свое пальто.

Отец Браун оставался неподвижным в полутьме, но в это мгновение он потерял голову. Впрочем, его голова становилась особенно ценной, когда он терял ее. В такие моменты он мог умножить два на два и получить четыре миллиона. Католическая церковь, обрученная со здравым смыслом, часто не одобряла этого, да и он сам не всегда относился к этому одобрительно. Но благодаря подлинному вдохновению в критическую минуту тот, кто терял голову, чудесным образом сохранял ее.

— Думаю, сэр, в ваших карманах найдется серебро, — вежливо сказал он.

Высокий джентльмен уставился на него.

— Черт побери! — воскликнул он. — Я дал вам золото, чего же вы жалуетесь?

— Потому что серебро иногда бывает дороже золота, — кротко ответил священник. — Во всяком случае, в большом количестве.

Незнакомец с любопытством взглянул на него. С еще большим интересом он осмотрел коридор, ведущий к парадному входу. Потом он снова взглянул на Брауна и на этот раз внимательно осмотрел окно за его головой, где догорали последние отблески заката. Казалось, он принял какое-то решение. Он положил руку на стойку и легко, как акробат, перепрыгнул на другую сторону. Нагнувшись к священнику с высо-